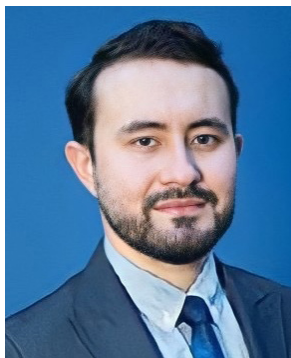

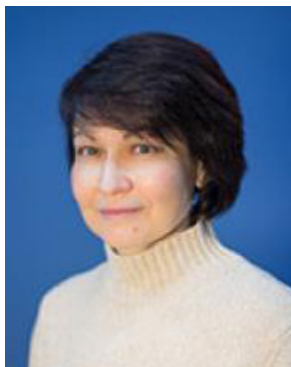
Теонимическая лексика в переводах Евангелий на башкирский и тувинский языки

Искандер Р. Саитбатталов, Рушана Х. Лукманова, Юлия А. Саитбатталова
Уфимский университет науки и технологий, Российская Федерация

В статье представлено контрастивное изучение теонимов (собственных и нарицательных именовании божеств, духов и других сверхъестественных существ) в башкирских переводах Четвероевангелия 1902 года, Нового завета 2015 года и соответствующих частях тувинского перевода Библии 2011 г. Исследование осуществлено методами семантического, стилистического и этимологического анализа лексических единиц, а также методами переводоведческого и сопоставительного анализа. Работа демонстрирует как именно реализуются ресурсы двух родственных языков в ходе конструирования христианской религиозной лексики в синхроническом и диахроническом аспектах.

В тексте четырех Евангелий представлено 20 теонимов, среди которых имена собственные сверхъестественных существ, их наименования и перифрастические обозначения. Дореволюционные и современные переводчики евангельских текстов на башкирский язык и современные переводчики на тувинский использовали различные стратегии передачи этих единиц на переводном языке.

Сходства переводов обусловлены общностью базового лексического запаса и агглютинативного грамматического строя двух родственных языков: понятия нередко передаются близкими лексемами, сочетания — одинаковыми конструкциями. Различия имеют лингвистическую (лексические и грамматические расхождения в родственных языках), и экстралингвистическую (различия в духовной культуре и истории народов) природу. Ключевым экстралингвистическим фактором, обусловившим различия в переводах, является опыт народа исповедания той или иной авраамической религии. У переводчика, работающего над текстами другой авраамической религии, есть два пути — взаимодействие с имеющейся авраамической традицией через игнорирование либо опора на неё.

Сопоставление трёх переводных библейских текстов демонстрирует роль историко-культурного фактора в формировании лексики отдельных языков и необходимость его учёта в ходе переводческой практики.

Ключевые слова: башкирский язык; тувинский язык; перевод; религиозная лексика; теоним; тюркские языки; Библия

Статья подготовлена в рамках проекта МК-5052.2021.2 Совета по грантам Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых и по государственной поддержке ведущих научных школ Российской Федерации.

Для цитирования:

Саитбатталов И. Р., Лукманова Р. Х., Саитбатталова Ю. А. Теонимическая лексика в переводах Евангелий на башкирский и тувинский языки // Новые исследования Тувы. 2022. № 4. С. 137-145. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.11>

Саитбатталов Искандер Расулович — кандидат филологических наук, доцент кафедры истории Республики Башкортостан, археологии и этнологии института истории и государственного управления Уфимского университета науки и технологий. Адрес: Россия, 450076, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32. Тел.: +7 (347) 272-63-70. Эл. адрес: saibatbaltaloff@yahoo.com

Лукманова Рушана Хусаиновна — доктор философских наук, профессор кафедры истории России, историографии и источниковедения института истории и государственного управления Уфимского университета науки и технологий. Адрес: Россия, 450076, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32. Тел.: +7 (347) 272-63-70. Эл. адрес: lukmanovark@mail.ru

Саитбатталова Юлия Аликовна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры журналистики факультета башкирской филологии, востоковедения и журналистики Уфимского университета науки и технологий. Адрес: Россия, 450076, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32. Тел.: +7 (347) 272-63-70. Эл. адрес: j.gimranova@gmail.com

Article

Theonymic vocabulary in Bashkir and Tuvan translations of the Gospels

Iskander R. Saitbattalov, Rushana Kh. Lukmanova, Yulia A. Saitbattalova
Ufa University of Science and Technology, Russian Federation

The article presents a contrastive study of theonyms (proper and common names of deities, spirits and other supernatural beings) in the Bashkir translations of the Four Gospels (1902), the New Testament (2015) and the corresponding parts of the Tuvan translation of the Bible (2011). The research was performed using methods of semantic, stylistic and etymological analysis of lexical units, as well as methods of translational and comparative analysis. The work shows exactly how the resources of two kin languages are realized in the course of construction of Christian religious vocabulary in synchronic and diachronic aspects.

The text of the Four Gospels contains 20 theonyms, including proper names of supernatural beings, their denominations and periphrastic designations. Pre-revolutionary and contemporary translators of gospel texts into Bashkir and modern translators into Tuvan used different strategies for conveying these units into the translated language.

The similarities between these translations are due to the commonality of the basic vocabulary and the agglutinative grammatical structure of two related languages: concepts are often expressed through close lexemes, and combinations are transmitted through the same constructions. The differences are linguistic (lexical and grammatical distinctions in kindred languages) and extralinguistic (dissimilarities in the spiritual culture and history of peoples). The key extralinguistic factor that has caused some differences in the translations is the people's experience in professing one or another Abrahamic religion. A translator who works on texts of another Abrahamic religion has two options while interacting with the existing Abrahamic tradition — either ignoring it or taking it into account.

The comparison of three translated biblical texts demonstrates the role of the historical and cultural factor in the development of the vocabularies of certain languages and the need to take it into consideration in translation practice.

Keywords: Bashkir language; Tuvan language; translation; religious vocabulary; theonym; Turkic languages; Bible

Financing

The article was prepared within the framework of the project MK-5052.2021.2 of the Council for Grants of the President of the Russian Federation for state support of young Russian researchers and for state support of leading scientific schools of the Russian Federation.

For citation:

Saitbattalov I. R., Lukmanova R. Kh. and Saitbattalova Yu. A. Teonimicheskaia leksika v perevodakh Evangelii na bashkirskii i tuvinskii iazyki [Theonymic vocabulary in Bashkir and Tuvan translations of the Gospels]. *New Research of Tuva*, 2022, no. 4, pp. 137-145. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.11>

SAITBATTALOV, Iskander Rasulevich, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of History of the Republic of Bashkortostan, Archeology and Ethnology, Institute of History and Public Administration, Ufa University of Science and Technology. Postal address: 32 Zaki Validi St., 450076 Ufa, Russian Federation. Tel.: +7 (347) 272-63-70.

E-mail: saitbattaloff@yahoo.com

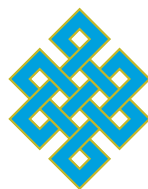
ORCID ID: [0000-0002-5948-4666](https://orcid.org/0000-0002-5948-4666)

LUKMANOVA, Rushana Khusainovna, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Russian History, Historiography and Source Studies, Institute of History and Public Administration, Ufa University of Science and Technology. Postal address: 32 Zaki Validi St., 450076 Ufa, Russian Federation. Tel.: +7 (347) 272-63-70. E-mail: lukmanovark@mail.ru

ORCID ID: [0000-0002-7549-9358](https://orcid.org/0000-0002-7549-9358)

SAITBATTALOVA, Yuliya Alikovna, Candidate of Philology, Senior Lecturer, Department of Journalism, Faculty of Bashkir Philology, Oriental Studies and Journalism, Ufa University of Science and Technology. Postal address: 32 Zaki Validi St., 450076 Ufa, Russian Federation. Tel.: +7 (347) 272-63-70. E-mail: j.gimranova@gmail.com

ORCID ID: [0000-0001-9971-2697](https://orcid.org/0000-0001-9971-2697)

Введение

Религиозной лексикой принято называть «языковые единицы, описывающие как специфические внутренние, так и внешние стороны той или иной конфессии» (Кулагина, 2017: 125). По своему объёму это понятие, как и обозначаемый им класс лексем, шире, чем понятия и классы «теологическая лексика» (система богословских терминов той или иной конфессии), «церковная лексика» (лексика, соотносящаяся с материальной стороной деятельности религиозных учреждений), «конфессиональная лексика» (лексика, специфичная для конкретной конфессии) и включает их в себя в качестве тематических групп. Формирование религиозной лексики конкретных языков неразрывно связано с духовной историей народов-носителей, взаимным влиянием народного мировоззрения и религиозной культуры в разных её проявлениях в ходе этно- и культурогенеза (Хафизова, 2018: 206).

Важнейшим и одним из наиболее широких пластов религиозной лексики являются теонимы — собственные и нарицательные именованья божеств, духов и других сверхъестественных существ. Ряд исследователей выделяет их изучение в особый раздел лексикологии, сосредоточенной на описании теонимов «в плане их системной организации, функционирования, эволюции, этимологии, а также в их связях с другими разрядами собственной и нарицательной лексики» — теонимику (Гета, 2013: 10). Хотя классическое определение теонимов сводит их исключительно к собственным именам сверхъестественных существ¹, при исследовании текстов, принадлежащих к авраамической традиции, можно расширить эту группу за счёт перифрастических обозначений Бога, наименований бесплотных сил, имен и титулов некоторых других ключевых для конкретной традиции лиц².

В силу исторически сложившегося частотного, хотя и не повсеместного, совпадения этнических и конфессиональных границ в религиозной лексике отдельных языков преобладают слова и выражения, связанные с функционированием определённых конфессий: религиозная лексика русского языка соотносится с лексикой православного христианства, турецкого — с лексикой ислама и т. д. Эта связь подчёркивается этимологией слов с религиозной семантикой, напр.: религиозная лексика русского языка прямо соотносится с церковнославянизмами, турецкого — с арабизмами и фарсизмами, тувинского — с заимствованиями из тибетского.

Распространение — целенаправленное (в ходе миссионерской деятельности) или стихийное (в ходе прозелитизма) — среди представителей того или иного народа новых религиозных взглядов становится импульсом для расширения религиозной лексики за счёт заимствования новых терминов, переосмысления в религиозном ключе имеющихся лексем, семантического приращения имеющихся слов и выражений религиозного содержания. Возникающие в ходе такого распространения тексты являются ценным исследовательским материалом для лингвиста. Они в динамике демонстрируют возможности конкретных языков к формированию новых терминологических групп и лексических подсистем, разным видам адаптации иноязычных заимствований, а также позволяют увидеть, какие именно ресурсы языка задействуются в этих процессах.

Башкиры (самоназвание *башкорт*) и тувинцы (самоназвание *тыва кижы*) — два тюркских народа, проживающих в различных, удалённых друг от друга, частях Евразии и прошедших своеобразные пути исторического развития. Специфика исторического развития двух народов проявляется и в их религиозных взглядах: башкиры в IX–XIV вв. приняли ислам суннитского толка, а в Туве, начиная с XVIII века, распространился буддизм. Вплоть до 1920-х годов основным языком ислама в Башкортостане был *тюркí* (*türkí*; башк. *төрки*; старотюркский) — общий для многих народов Ближнего Востока, Средней Азии и Восточной Европы письменный язык на арабской графической основе, насыщенный арабскими и персидскими заимствованиями (Сайтбатталов, Фаткуллина, 2015: Электр. ресурс). В Туве до 1930-х годов в качестве письменных функционировали тибетский и старомонгольский языки. В результате действия этих факторов религиозная лексика обоих языков существенно различается.

¹Краткий понятийно-терминологический справочник по этимологии и исторической лексикологии / Ж. Ж. Варбот, А. Ф. Журавлев. М.: Российская академия наук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 1998. С. 46.

² Бугаева И. В. К вопросу о структуре сакрального ономастикона [Электронный ресурс] // Образовательный портал «Слово». URL: <https://portal-slovo.ru/philology/42536.php> (дата обращения: 22.07.22.).

В XIX в. началась работа над переводом отдельных новозаветных книг на разговорный башкирский язык, в 1902 г. в кириллической графике было издано Четвероевангелие¹. На рубеже XX–XXI вв. на современный башкирский язык был переведён весь Новый завет² и ряд книг Ветхого. В 2011 г. вышел полный перевод Библии на тувинский язык³.

Контрастивное изучение теонимов в башкирских переводах Четвероевангелия 1902 г., Нового завета 2014 г. и соответствующих частях тувинского перевода Библии, опирающееся на методы семантического, стилистического и этимологического анализа лексических единиц, а также на методы переводоведческого и сопоставительного анализа, и составляет содержание настоящей статьи.

Башкирские и тувинские переводы библейских книг: общий обзор

Перевод Четвероевангелия на башкирский язык был издан в 1902 г. в Казани просветительским Братством святого Гурия. В репринтном издании 1975 г., выполненном Восточным библейским институтом, указано, что перевод был осуществлён «в 1901 году группой студентов “инородческой учительской семинарии” города Казани под руководством ректора Н. Бобровникова»⁴. По-видимому, издание завершало своего рода цикл библейских переводов на башкирский язык, включавший опубликованные в Оренбурге Евангелие от Матфея (1899 г.) и «Священную историю Ветхого и Нового заветов» (1900 г.) — крупнейших текстов, изданных до революции на башкирском языке кириллической графикой (Каримова, Латыпова 2016: 46–47).

Перед авторами перевода Четвероевангелия стояло сразу две нетривиальных задачи: собственно переводческая, связанная с необходимостью адекватно передать средствами башкирского языка содержание и стиль крупного, сложного и далеко не однозначного русскоязычного текста (оригиналом выступал Синодальный перевод на русский язык), и нормотворческая, связанная с необходимостью стандартизации башкирского народно-разговорного языка, не имевшего на момент перевода устоявшейся письменной нормы (в качестве письменного в обиходе грамотных башкир выступал *тюрки*). Первая задача решалась в соответствии с теоретическими («переводить по духу, а не по слову») и практическими рекомендациями руководителя переводческой комиссии Братства святителя Гурия Н. И. Ильминского (Камитова, 2018: 264–265). Основой для решения второй задачи стали сведения о народно-разговорном башкирском языке, накопленные языковедом А. Г. Бессоновым и педагогом В. В. Катаринским в ходе их систематического взаимодействия с башкирами. Орфография памятника следует принципам, применявшимся В. В. Катаринским в его букваре и словаре (Каримова, Латыпова, 2016: 46).

Новый этап развития библейского перевода на башкирский язык связан с деятельностью Института перевода Библии (ИПБ), руководящегося в своей переводческой практике требованиями Международного форума Библейских организаций (ФБАИ) и действующего в сотрудничестве с учреждениями Российской академии наук. В результате целенаправленной работы ИПБ, между 1996 и 2017 гг. было опубликовано восемь изданий разных новозаветных книг, в том числе полный перевод Нового завета на башкирский язык. В сети доступно также неполное издание Ветхого завета на башкирском языке, подготовленное Российским библейским обществом.

Перевод Библии на тувинский язык в дореволюционное время, по-видимому, не осуществлялся как в силу отсутствия на территории Урянхайского края миссионерских станом, так и в силу малой изученности тувинского языка. Первый крупный научный труд, посвящённый ему, был напечатан Н. Ф. Катановым только в 1903 г. (Катанов, 1903). В 1990-е годы была сформирована тувинская группа переводчиков Библии (Н. Куулар, Э. Мижит, М. Кужугет, С. Комбу) и редакторов (В. Войнов, Л. Мижит, Т. Кандаурова, Е. Самба, С. Сычев). Она работала под методическим руководством Института перевода Библии и активно консультировалась с христианами-носителями тувинского языка. В 2001 г. был

¹ Господа нашего Иисуса Христа Святое Евангелие от Матфея, Марка, Луки и Иоанна на башкирском языке. Казань: Типография В. М. Ключникова, 1902. 314 с.

² Инжил: Новый Завет. М.: Институт перевода Библии, 2014. 591 с. (На башк. яз.).

³ Ыдыктыг Библия / Священная Библия. М.: Институт перевода Библии, 2011. 1766 с. (На тув. яз.).

⁴ Господа нашего Иисуса Христа Святое Евангелие от Матфея, Марка, Луки и Иоанна на башкирском языке. Казань: Типография В. М. Ключникова, 1902. [Репринт] Стокгольм: Восточный библейский институт, 1975. С. 5.

опубликован Новый Завет на тувинском языке, а в 2011 г. вышел полный перевод Библии на тувинский язык¹.

Сопоставительный анализ теонимов, представленных в двух башкирских и одном тувинском переводе библейских фрагментов, способен продемонстрировать, как именно реализуются ресурсы двух родственных языков в ходе конструирования христианской религиозной лексики в синхроническом и диахроническом аспектах.

Наименования Иисуса Христа в башкирских и тувинском переводах Евангелий

Тексты четырёх канонических Евангелий включают обширный пласт теонимической лексики. В него входят собственные имена и названия существ и явлений, связанных с духовным миром, заменяющие их нарицательные имена существительные и прилагательные, а также перифрастические конструкции.

В Евангелиях представлены следующие лексемы этой группы:

- имена собственные — Иисус, Еммануил, Веельзевул и др.,
- титулы — Христос, Мессия и др.,
- наименования сверхъестественных существ — ангел, бес, Бог, Господь, диавол, сатана и др.,
- перифрастические конструкции — Агнец Божий, Дух Божий, Дух Святой, князь мира сего, нечистый дух, Отец Небесный, Спаситель мира, Сын Божий, Сын Человеческий и др.

Для анализа способов их перевода на башкирский и тувинский языки, а также переводческих тактик, их обусловивших, продуктивным представляется следующий порядок разбора:

- 1) номинации Иисуса Христа,
- 2) номинации других членов Святой Троицы,
- 3) номинации сверхъестественных существ, служащих Богу,
- 4) номинации сверхъестественных существ, противостоящих Богу.

Имя *Иисус* в башкирском переводе 1902 г. (далее — БП1902) передано в соответствии с нормами русской дореволюционной орфографии как *Иисусъ*, в башкирском переводе 2014 года (далее — БП2014) — как *Ғайса* в соответствии с коранической традицией (от арабского *‘Иса*; в евангельских текстах на арабском, однако, используется иное написание и прочтение — *‘Йасу’*), в тувинском (далее — ТП) — как *Иисус*. Титул *Христос* в БП1902 оставлен без изменений, в БП2014 — передан арабским заимствованием *мәсих*, соответствующим буквальному значению греческого слова *христос* (помазанник), в ТП — оставлен без изменений. Титул Мессия, восходящий к древнееврейскому слову *машиах* ‘помазанник’, в БП1902 представлен как *Мессия*, в БП2014 — как *мәсих*, в ТП — как *Мессия*. Собственное имя *Еммануил*, заимствованное из ветхозаветной книги Исаии и истолковываемое непосредственно в евангельском тексте: «Что значит: с нами Бог», — в БП1902 и в БП2014 сохраняется без изменений, а в ТП представлено в написании через «э» оборотную: *Эммануил*.

Налицо ориентация дореволюционных переводчиков на башкирский язык и современных переводчиков на тувинский на русскую традицию передачи имен и титулов. Обращение современных переводчиков на башкирский к кораническим терминам, имеющим то же семитское происхождение, что и ряд евангельских, опирается на мусульманскую традицию именования и несколько сужает синонимический ряд: Христос и Мессия в этом переводе совпадают в термине *Мәсих*.

Теониму *Бог* Синодального текста в БП1902 соответствует иранизм *Хозай*, в БП2014 — арабское заимствование *Алла*, в ТП — древнетюркское (Мижит, 2016: 145) слово *Бурган*. Теоним *Господь* передаётся в БП1902 исконным словом *Тәңере*, которым тюркские народы традиционно обозначали небесного бога, в БП2014 — арабизмом *Раббы* (от *рабб* ‘господин’), в ТП — сочетанием *Дээрги-Чаяакчы* (букв. ‘Господин-Творец’). Арабизм *Раббы* частотен в башкирском религиозном дискурсе, используется применительно к мусульманскому Богу, однако функционирует преимущественно с аффиксами посессива: *раббыбыз* ‘наш Господь’, *раббым* ‘Господи’. Частотное сочетание *Господь Бог* в БП1902 выглядит как

¹ Десницкий А. С. Первая тувинская Библия [Электронный ресурс] // Православие и мир. URL: <https://pravmir.ru/pervaya-tuvinskaya-bibliya/> (дата обращения: 22.09.2022).

плеонастическое *Тәңере Хозай* (букв. 'Бог-Бог'), в БП2014 — как *Раббы Алла*, в ТП — как *Дээрги-Чаяакчы Бурган* (букв. 'Господин-Творец-Бог'). Дореволюционные переводчики на башкирский язык пошли на искусственное закрепление за синонимами разных значений, переводчики на тувинский язык использовали неологизм для разграничения библейских терминов с понятиями древней народной традиции, а современные переводчики на башкирский пошли на выстраивание узуального различия между обозначениями библейского и коранического божеств.

Перифразы, называющие Иисуса и указывающие на разные аспекты его божественной сущности и отношения к земному миру, представляют собой сложный материал для перевода в силу того, что за ними стоят сложные теологические концепции вочеловечения, жертвенности и искупления первородного греха. От переводчика требуется не только адекватная передача образного содержания и высокого стиля таких наименований, но и соответствие богословским канонам их понимания. Таким образом, подобные конструкции выступают объектами не только перекодирования, но и экзегезы.

Сочетание *Агнец Божий* передано в БП1902 как *Хозай Бәрәне* (букв. 'Божий Барашек'), в БП2014 — как *Алла Бәрәсе* (букв. 'Божий Барашек'), в ТП — как *Бурганның Хураганы* (букв. 'Божий Ягненок'). Конструкция Спаситель мира передана в БП1902 и в БП2014 как словосочетание, в котором причастие управляет существительным, *донйаны Коткарыусы*, в ТП — как словосочетание с изафетной связью *бо делегейниң улузунуң Камгалакчызы* (букв. 'Спаситель людей этого мира'). Сочетание *Сын Божий* передано в БП1902 как изафетная конструкция первого типа *Хозай улы*, в БП2014 — как *Алла Улы*, в ТП — как изафетная конструкция второго типа *Бурганның Оглу*. Сочетание Сын Человеческий в БП1902 и БП2014 передано одинаково — как *Әзәм Улы* (букв. 'Сын Адама') с прямой отсылкой к авраамическому представлению о праотце всех людей Адаме, в ТП — как *Кижги амытан Оглу* с использованием исконно тюркской лексемы для обозначения человека.

При адаптации для читателей перифрастических обозначений Иисуса Христа в Евангелиях переводчики на башкирский использовали одинаковую тактику прямой пословной передачи термина лексическими эквивалентами и, хотя и в разной мере, опирались на присутствующую в башкирской культуре и отразившуюся в языке авраамическую традицию, в рамках которой понятия *мир* и *человек* не нуждаются в теологической экспликации. Переводчиками на тувинский была предпринята операция по расширению этих понятий.

Наименования других членов Святой Троицы и сверхъестественных сущностей в башкирских и тувинском переводах Евангелий

Та же ситуация наблюдается при передаче на двух родственных языках наименований других членов Святой Троицы. Для обозначения её первого лица в БП1902 и БП2014 использована одинаковая конструкция *күктәге Ата* (букв. 'Отец, который в небе') с аффиксами посессива в соответствующих лицах и числах, в ТП — сочетанием *Дээрде Адавыс* (букв. 'Наш отец, который в небе') с показателем посессива 1-го лица множественного числа. Если для башкирской языковой картины мира, находящейся под влиянием ислама с его нормативным представлением о полной трансцендентности Бога, помещение Его на небо и в семантическое поле родства не характерно, что и обусловило возможность прямой пословной передачи оригинального сочетания, то переводчики на тувинский столкнулись с необходимостью поиска обозначения, не ассоциирующегося с язычеством (Мижит, 2016: 144).

Ассоциирующиеся с третьим членом Святой Троицы понятия *Дух Божий*, *Дух Истины* и *Дух Святой* переданы в трёх рассматриваемых переводах разными способами. Общий для этих теонимов термин дух передан в БП1902 словом *тын* (букв. 'дыхание') как прямая калька с русского. В БП2014 использован арабизм *рух*, этимологически связанный с древнееврейским *руах*, а семантически — с понятиями *дыхание* и *ветер*. В ТП применяется исконное слово *сүлде*, традиционно применяемое для обозначения возвышенных явлений (Мижит, 2016: 147). В качестве второго элемента сочетания Дух Божий в БП 1902, БП2014 и ТП использованы *Хозай*, *Алла* и *Бурган* соответственно.

Понятие истины передано в БП1902 исконным словом *ысындык* (совр. лит. *ысынлык*; букв. 'действительность'), в БП2014 арабизмом *хәкикәт*, имеющим сильные мусульманские религиозно-мистические коннотации (Сайтбатталов, Фаткуллина, 2015: Электронный ресурс), в ТП — сочетанием исконных лексем *алыс шын*. Для обозначения святости в БП1902 применяется прямое заимствование из церковнославянского Святой, в результате чего возникает стилистически сомнительное даже для избилующей русизмами разговорной речи сочетание *Святой Тын*. Отказ от перевода этого понятия

связан, по-видимому, с нежеланием дореволюционных переводчиков использовать лексику, имеющую нехристианские коннотации. В БП2014 использована общеупотребительная лексема *изге*, в семантике которой присутствуют представления о ценности, доброте и духовной значимости, а в ТП — этимологически связанная с ней лексема *ыдыктыг*.

Столь значимые различия в подходах к переводу терминов, обозначающих Святой Дух, объясняются как сложностью самого этого понятия, так и разными позициями относительно возможности его передачи средствами иного языка. Авторы БП1902 избегали интерпретации термина, предпочитая калькирование и заимствование, авторы БП2014 опирались в его интерпретации на имеющиеся языковые средства безотносительно их религиозных коннотаций, а авторы ТП стремились к активизации собственных ресурсов переводного языка.

В Четвероевангелии встречается лишь одно обозначение сверхъестественной сущности, служащей Богу — *ангел*. В БП1902 и БП2014 для его передачи использована активно функционирующая в башкирском языке лексема, заимствованная из персидского языка, *фарештэ* (перс. *фериште*). Хотя она и соотносится с *мала'ика*, ангелами, упоминаемыми в Коране, эта лексема, по-видимому, показалась дореволюционным переводчикам достаточно нейтральной для использования в сакральном тексте. В тувинском переводе во избежание использования заимствования и неоднозначных калек (Мижит, 2016: 148) для этого понятия использовано исконное слово *төлээ* 'представитель'.

Более разнообразна в Евангелиях лексика, обозначающая силы зла. Имя собственное Веельзевул во всех трёх переводах передаётся одинаково, за исключением орфографических различий. Наиболее частное наименование служителей зла *бес* передаётся в БП1902 и БП2014 арабизмом *ен* (ар. *джинн*), в ТП — монголизмом *бук*. Понятиям *диавол* и *сатана* в БП1902 соответствует арабизм *шайтан*, в БП2014 — имя собственное и тоже арабизм *Иблис*, этимологически, возможно, связанное с греческим *диаволос*¹, в ТП — *эрлик*, традиционное наименование владыки подземного царства у тюркских народов Южной Сибири. Перифрастическая конструкция *князь мира сего* передана в БП1902 частичной калькой *бы доньянын князы*, в которой русскому *мир* соответствует арабизм, в БП2014 переведена с помощью арабизма как *был доньяның хакиды* (ар. *хаким* 'правитель'), в ТП — сочетанием *бо делегейниң чагырыкчызы*. Сочетанию нечистый дух в БП1902 соответствует *шакшы тын* (букв. нечистое дыхание), в БП2014 — *шакшы рух* (букв. нечистый дух), в ТП — *бук*. В переводах на тюркские языки лексическое разнообразие русских обозначений дьявола и его служителей сужается: диавол и сатана сливаются в башкирском либо в шайтан (дореволюционный перевод), либо в Иблис (современный перевод), в тувинском — в *эрлик*. Дифференцированные в башкирских переводах *бес* и *нечистый дух* совпадают в тувинском *бук*.

Заключение

Сопоставительный анализ теонимической лексики в двух переводах Евангелий на башкирский язык и одном на тувинский демонстрирует как сходства, так и существенные различия в её формировании и функционировании. Сходства обусловлены общностью базового лексического запаса и агглютинативного грамматического строя двух родственных языков: понятия нередко передаются близкими лексемами (*отец* — *ата* — *ада*; *святой* — *изге* — *ыдыктыг*), сочетания — одинаковыми конструкциями (*князь мира сего* — *был доньяның хакиды* — *бо делегейниң чагырыкчызы*). Различия имеют как лингвистическую (лексические и грамматические расхождения в родственных языках), так и экстралингвистическую (различия в духовной культуре и истории народов) природу.

Ключевым экстралингвистическим фактором, повлиявшим на формирование различий в переводах, выступает наличие или отсутствие у народа, на язык которого происходит перевод, опыта исповедания той или авраамической религии. Этот опыт неизбежно ведёт к возникновению пласта лексем и устойчивых сочетаний, обозначающих образный и понятийный ряд общих для иудаизма, христианства и ислама идеологии и мифологии. У переводчика, работающего над текстами другой авраамической религии, в этих обстоятельствах есть два пути — взаимодействие с имеющейся авраамической традицией через отрицание или игнорирование, либо опора на неё.

¹ Ислам: энциклопедический словарь. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1991. С. 81.

Первая стратегия была избрана дореволюционными переводчиками Четвероевангелия на башкирский язык, но вряд ли была реализуема в принципе: понятийный аппарат ислама настолько глубоко впитался в башкирский язык, что, отказавшись от, по-видимому, чрезмерно исламизированных, с точки зрения миссионеров XIX в., общеупотребительных слов Алла 'Бог' и рух 'дух', переводчики создали ряд достаточно оригинальных терминологических конструкций, однако были вынуждены сохранить целый ряд арабизмов (*донья, ен, шайтан, эзам*), заимствованных непосредственно из Корана (Фаткуллина, Сайтбатталов, 2015: 1236). Вторая стратегия, предусматривающая опору на уже сформированный понятийный аппарат одной из авраамических религий, приводит к появлению более понятного читателю текста с минимальным «насилием над языком».

Переводчики Библии на тувинский были свободны от необходимости диалога с традицией и избрали иную стратегию, выражающуюся в активизации собственных ресурсов переводного языка за счёт закрепления за имеющимися лексемами новых значений, мотивированного создания неологизмов и минимизации заимствований. Сопоставление трёх переводных библейских текстов наглядно демонстрирует роль историко-культурного фактора в формировании лексики отдельных языков и необходимость его учёта в ходе переводческой практики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гета, Е. В. (2013) Обзор некоторых единиц теонимической лексики в контексте русских и польских сакральных текстов // Вестник Нижневартковского государственного университета. № 2. С. 9–12.

Камитова, А. В. (2018) Деятельность Н. И. Ильминского в области перевода православной литературы на родные языки народов Поволжья и Приуралья // Сибирский филологический журнал. № 1. С. 261–270. DOI: <https://doi.org/10.17223/18137083/62/18>

Каримова, Р. Н., Латыпова, Р. М. (2016) Письменные источники по башкирскому языку конца XIX — начала XX века // Урало-алтайские исследования. № 1(20). С. 41–52.

Катанов, Н. Ф. (1903) Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня. Казань : Типо-литография Императорского университета. XLII, 487, LX с.

Кулагина, М. А. (2017) Особенности и проблемы перевода религиозной лексики // Язык. Культура. Коммуникация. Т. 1. № 1(20). С. 124–129.

Мижит, Л. С. (2016) Перевод Библии на тувинский язык: обогащение лексического состава тувинского литературного языка // Родной язык. № 1 (4). С. 141–155.

Сайтбатталов, И. Р., Фаткуллина Ф. Г. (2015) К вопросу об эстетической роли арабских заимствований в произведениях М. А. Чукури [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. № 1–1. URL: <https://s.science-education.ru/pdf/2015/1/1571.pdf> (дата обращения: 25.07.2022).

Хафизова, З. Р. (2018) Тематическая классификация религиозных лексем в башкирском языке // Вестник Башкирского университета. Т. 23. № 1. С. 206–210. DOI: <https://doi.org/10.33184/bulletin-bsu-2018.1.33>

Дата поступления: 11.08.2022 г.

REFERENCES

Geta, E. V. (2013) Obzor nekotorykh edinits teonimicheskoi leksiki v kontekste russkikh i pol'skikh sakral'nykh tekstov [Review of several theonymic vocabulary units exemplified by the Russian and Polish religious texts]. *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*, no. 2, pp. 9–12. (In Russ.).

Kamitova, A. V. (2018) Deiatel'nost' N. I. Il'minskogo v oblasti perevoda pravoslavnoi literatury na rodnye iazyki narodov Povolzh'ia i Priural'ia [N. I. Il'minskiy's contribution to translating the Orthodox literature into the native languages of the peoples of the Volga region and the Urals]. *Siberian Journal of Philology*, no. 1, pp. 261–270. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17223/18137083/62/18>

Karimova, R. N. and Latypova, R. M. (2016) Pis'mennyye istochniki po bashkirskomu iazyku kontsa XIX — nachala XX veka [Written sources in the Bashkir language of the late 19th — the early 20th century]. *Ural-Altai Studies*, no. 1 (20), pp. 41–52. (In Russ.).

Katanov, N. F. (1903) *Opyt issledovaniia uriankhaiskago iazyka, s ukazaniem glavneishikh rodstvennykh otnoshenii ego k drugim iazykam tiurkskago kornia* [An essay on the Uryankhai language, indicating the most important kinship ties between it and the other languages of the Turkic root]. Kazan, Tipo-litografiia Imperatorskogo universiteta. [2], XLII, 1540, LX p. (In Russ.).

Kulagina, M. A. (2017) Osobennosti i problemy perevoda religioznoi leksiki [The peculiarities and problems of translation of religious lexis]. *Yazyk. Kul'tura. Kommunikatsiia*, vol. 1, no. 1 (20), pp. 124–129. (In Russ.).

Mizhit, L. S. (2016) Perevod Biblii na tuvinskii iazyk: obogashchenie leksicheskogo sostava tuvinskogo literaturnogo iazyka [Translation of the Bible into Tuvan: Enriching the lexical composition of the Tuvan literary language]. *Rodnoi iazyk*, no. 1 (4), pp. 141–155. (In Russ.).

Saitbattalov, I. R. and Fatkullina F. G. (2015) K voprosu ob esteticheskoi roli arabskikh zaimstvovaniy v proizvedeniakh M. A. Chukuri [The aesthetic role of Arabic borrowings in the works of M. 'A. Chukuri]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniia*, no. 1–1. [online] Available at: <https://s.science-education.ru/pdf/2015/1/1571.pdf> (access: 25.07.2022).

Khafizova, Z. R. (2018) Tematicheskaiia klassifikatsiia religioznykh leksem v bashkirskom iazyke [Thematic classification of religious lexemes in the Bashkir language]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, vol. 23, no. 1, pp. 206–210. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.33184/bulletin-bsu-2018.1.33>

Submission date: 11.08.2022.